

Да здравствуют
демократическая республика!

ЦѢНА ОТД. № 35 К. И НА СТ. 40 К.
РОЗН. ПРОДАЖЬ 35 К. ЖЕЛ. ДОР. 40 К.

1
306
1917
НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 25

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

ИЮЛЬ

ГРИЦЬКО, ДЛЯ КОТОРАГО И ТЕПЕРЬ ВЕЧЕРНЫЦЯ.

Рис. Ре-ми.

Керенскій: — Ты бы потише, голубчикъ... не видишь развѣ — тяжело больная у меня...
Украинець: — Та я-жъ здурівъ отъ радости! Гопъ, мои гречаньки!

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДАМА.

(Фельетонъ Мелффи.)

Одна дама сидитъ. Другая спѣшно вбѣгаетъ.

Вторая: — Chère Мари!

Первая: — Chère Софи! (цѣлуются.)

Софи: — Я къ тебѣ на двѣ минуты. Ровно на двѣ минуты. (Показываетъ часы.) — Вотъ видишь? Теперь ровно безъ девятнадцати минутъ восемь. Когда будетъ ровно безъ семнадцати, я должна уйти. Тогда я ровно безъ одной минуты восемь буду уже на засѣданіи. Для насъ, революціонныхъ дѣятелей, пунктуальность важнѣе всего. Если опоздаю на одно засѣданіе, такъ не поспѣю во-время и на другое.

Мари: — Неужели у тебя такъ много засѣданій? Счастливая.

Софи: — Еще бы! Масса засѣданій. Нужно строить молодую Россію. Мишель мнѣ говоритъ: «Если вы, Софья Ивановна, не приложите вашей энергіи, такъ у насъ выйдетъ не Россія, а чортъ его знаетъ что».

Мари: — Ахъ, chère Софи! Вы, должно быть, и всѣхъ этихъ революціонеровъ встрѣчаете?

Софи: — Ну, еще бы! Постоянно. Всѣхъ встрѣчаю. Милуковъ, Гучковъ, покойный Каляевъ, потомъ Ленинъ, знаешь этотъ, такъ называемый, «бабушка русской революціи».

Мари: — Счастливая! Счастливая! А тебѣ не страшно?

Софи: — Ни-чуть. Я очень лѣвая и красная. А знаешь, Мишель еще лѣвѣе и еще краснѣе. Онъ прямо говоритъ, что нужно всѣхъ перерѣзать и все имущество раздѣлить.

Мари: — Да, между кѣмъ дѣлится-то, когда всѣхъ перерѣжете?

Софи: — Гм... Ну, ужъ этого я не знаю. Мишель вообще совсѣмъ красный. Но свое имѣніе онъ оставляетъ за собой. Онъ такъ рассчиталъ, что, когда будутъ дѣлится, такъ это имѣніе все равно какъ разъ придется на его долю.

Мари: — Расскажи мнѣ, chérie, о чемъ у васъ говорятъ въ засѣданіяхъ.

Софи: — Масса интереснаго! Масса! Вчера, наприимѣръ, раскрѣпощали прислугу. Предсѣдатель говорилъ рѣчь. Доказывалъ, что горничная тоже человѣкъ. Замѣчательно хорошо говорилъ. Мадамъ Поливанова даже заплакала. Я сама прослезилась.

Мари: — Дѣйствительно, вѣдь можетъ быть и, правда, человѣкъ...

Софи: — Конечно. Но только онѣ такія неблагодарныя! Такія неблагодарныя! Вчера просидѣла я на этомъ засѣданіи до одиннадцати часовъ, пришла домой усталая, голодная, а Федосья сидитъ въ кухнѣ и пасьянсъ раскладываетъ! Я ей говорю: «Вы что же это, Федосья? Видите, что барыня устала, а сами и ухомъ не ведете?» А она говоритъ: «Что мнѣ ушами-то водить? Я, говоритъ, тоже на митингъ была и ты для меня теперь не барыня». — Какъ не барыня? Какъ не барыня? Кто же я такая?» — «А ты, говоритъ, для меня теперь товарищъ-мадамъ, вотъ, кто ты для меня теперь».

Мари: — Ай-ай-ай!

Софи: — Я такъ и ахнула! А она говоритъ: «У насъ порѣшили, что тыкать нельзя, а нужно «вы» говорить». Я даже возмущилась. «Когда же, говорю, я васъ тыкала? Это вы сами меня тыкаете». А она говоритъ: «Вотъ то-то и оно! Ужъ я, говоритъ, при постороннихъ-то буду стараться тебѣ вы говорить, а то тебѣ еще влетитъ, потому, разъ это запрещено, такъ ты еще въ тюрьмѣ насидишься, а у меня на тебя вла нѣту, такъ ужъ такъ и быть поступаюсь».

Мари: — Се-т-аффри! Се-т-аффри! Нѣтъ, какова неблагодарность. Ты цѣлый день ихъ раскрѣпощала, а онѣ...

Софи: — Нѣтъ, ты слушай дальше. Я ей говорю: «Да-

вайте обѣдать». А она въ отвѣтъ: «Сами будете лопать, сами и подавайте, а я уже откушала. У насъ, говоритъ, рѣшили, чтобы восьмичасовой день былъ. Чтобы, значитъ, отъ восьми и до восьми. Другіе хотѣли, чтобы, значитъ, отъ девяти и до девяти, ну, а мы настояли. Разъ всѣ говорятъ, что восьмичасовой, такъ пусть и будетъ, отъ восьми и до восьми».

Мари: — Нѣтъ, какова дерзость! Ты же за нихъ распинаешься, за ихъ же свободу, а она тебѣ не хочетъ въ одиннадцать часовъ обѣдъ подать.

Софи: — Возмутительно. Ахъ, да! Видѣла вчера Жюли. Она, бѣдненькая, тоже пустилась въ политику.

Мари: — Да что ты! А какъ же танцы?

Софи: — Бросила. Теперь, говоритъ, не имѣетъ смысла. Прежде мечтала, что поступить въ балетъ и обратить на себя вниманіе какого-нибудь великаго князя, а то и еще пошкарнѣе. А теперь говоритъ, не за чѣмъ мнѣ развивать свою грацію. Прежде можно было сдѣлаться фавориткой государя, а теперь, кѣмъ? Фавориткой рабочихъ, солдатскихъ, крестьянскихъ и батрацкихъ депутатовъ? И длинно и не шикарно.

Мари: — Совсѣмъ не шикарно. Въ особенности эти батрацкіе...

Софи: — Хотя, вѣроятно, именно они теперь могли бы оказать покровительство молодому таланту. Вы знаете, кондукторша въ трамваѣ получаетъ триста рублей, наборщикъ шестьсотъ.

Мари: — Я слышала, будто нищіе устроили забастовку: требуютъ восьмичасовой рабочей день и гарантированные пятьсотъ рублей.

Софи: — Куда мы идемъ! Куда мы идемъ! Вѣдь кончится тѣмъ, что изголодавшаяся интеллигенція перерѣжетъ ихъ всѣхъ и подѣлитъ ихъ богатства.

Мари: — Ахъ, финиссе! Какъ это все ужасно.

Софи: — А между тѣмъ, врагъ не дремлетъ: говорятъ, третье Парголово уже отдѣлилось и не сегодня-завтра объявитъ войну Россіи.

Мари: — Они зальютъ насъ кровью!

Софи: — И при этомъ нужно принять во вниманіе всю выгоду стратегическаго положенія третьяго Парголова. Вѣдь если Правительство вышлетъ на нихъ пушку, то выпалитъ эта пушка не сможетъ, потому что ядро непременно залетитъ въ мирную территорию и можетъ испортить наши отношенія съ Озерками, которыя, какъ говорятъ, тоже держатся на волоскѣ.

Мари: — Какъ это все тревожно!

Софи: — Ужасно, ужасно! Ни за что нельзя поручиться! Вернусь я сегодня вечеромъ на свою Малую Посадскую, и вдругъ, окажется, что она за это время отдѣлилась и ввела у себя монархическій строй. И навѣрное, пролѣзетъ на престолъ этотъ дуракъ Степанъ Ильичъ! Я тогда переѣду. Ни за что не останусь подъ его кормиломъ!

Мари: — А куда переѣхать? Квартиръ совсѣмъ нѣтъ.

Софи: — Ну, это не бѣда. Мишель говоритъ, что можно объявить себя социаль-демократомъ и забирать любой домъ. Это совсѣмъ новая партія, хотя ея учредитель уже сидитъ въ тюрьмѣ по дѣлу второго сентября, за кражу изъ передней хорьковой шубы и пары галошъ. Ну, мнѣ кажется пора.

Мари: — Ахъ, посиди еще немножко. Поспѣешь еще на свое засѣданіе.

Софи: — Ахъ, что ты! Развѣ можно! У насъ, у революціонеровъ, пунктуальность это все (смотреть на часы). Пунктуаль... Господи! уже половина девятого! Ай, ай, ай!

Мари: — А можетъ быть, засѣданіе отложить?

Софи: — Ахъ, что ты? Мы всѣ очень пунктуальны.

Ясно сказано: въ восемь часовъ вечера въ понедѣльникъ, пятнадцатаго числа.

Мари: — Какъ пятнадцатаго? Да вѣдь сегодня вторникъ.

Софи: — Вторникъ?

Мари: — Ну, да — вторникъ, шестнадцатое.

Софи: — Быть не можетъ! Впрочемъ, да... ты права... вчера была примѣрка у портнихи. Значитъ, я на сутки опоздала! Ну, да ничего, я все-таки поѣду. Навѣрное, наши тоже всѣ опоздали, они вѣдь постоянно такъ. Ну, я тебя цѣлую и бѣгу.

Мари: — Адье, шеръ! Береги себя.

Софи: — Адье, адье! Бѣгу! Для революціонера главное пунктуальность!

Мари (останавливая ее): — Постой, постой! А какъ же я то?

Софи: — А что?

Мари: — Да вотъ ты стала революціонеркой и все такое, а я... живу точно какая-то нелепальная, до сихъ поръ никуда не приписана.

Софи: — Какъ? Неужели у тебя нѣтъ до сихъ поръ этой... (показываетъ на полъ) платформы?

Мари: — Нѣтъ! Представь себѣ! Какъ быть?

Софи: — Ахъ, Боже мой! Ну, припишись куда-нибудь.

Мари: — Да, куда же? Я никого не знаю.

Софи: — Ну, такъ для начала я тебѣ посоветую приписаться къ самой большой и могущественной партіи. Ну, я бѣгу.

Мари (останавливаетъ ее): — Къ какой? Къ какой партіи.

Софи: — Ну, конечно, къ партіи И. И.

Мари: — И. И. Что это? Слушай — я боюсь. И. И... исполнительный... Господи, что же это значить?

Софи: — И. И. Испуганная интеллигенція. Самая большая партія. Ну, я бѣгу. У насъ, у революціонеровъ, пунктуальность...

Тэффи.

МАТЬ.

Спину костлявую скорби,
Приди къ церковной оградѣ
И голосомъ, полнымъ скорби,
Шепчи: «Христа ради!..»

Люди должны пожалѣть,
Понять сердобольно муку
И будутъ бросать мѣдь,
Въ твою костлявую руку.

Люди должны понять,
Почувствовать больно и сильно,
Что ты — несчастная мать,
На войнѣ потерявшая сына.

Говорили, что онъ — герой,
Но тяжело въ дырявомъ нарядѣ,
Съ протянутой темной рукой,
Стоять, просить Христа ради.

И сердце полно тоской,
Сердцу славы сыновьей не надо,
Сердце болитъ и не радо,
Что сынъ погибъ, какъ герой.

Жестокій сыновій удѣлъ
Не даетъ по ночамъ забыться,
Онъ жить, только жить хотѣлъ —
Любить, скорбѣть и трудиться.

Но взяли его на войну
И гдѣ-то въ сраженіи убили.
Лежитъ въ чужеземной могилѣ,
Оставивши мать одну.

Судьбы безпощадна ярость,
У старухи — ни крова, ни пищи.
Осталась бездомной нищей
Коротать одинокую старость.

Люди должны пожалѣть,
Понять стыдливую муку,
Бросая истертую мѣдь
Въ сухую, костлявую руку.

Юрій Зубовскій.

ШИНКАРЕНКО БОЛЬШЕВИКЪ.

(Повѣсть.)

Шинкаренко любилъ жизнь.

Жизнь платила ему тѣмъ же. Это былъ энергичный и разумный флиртъ, основанный на взаимномъ удовольствіи. Въ этомъ смыслѣ Шинкаренко былъ истиннымъ виталистомъ.

Должность младшаго околоточнаго надзирателя, которую занималъ Шинкаренко, — отвѣчала всѣмъ заданиямъ его жизненной программы. Сытная, обеспеченная, приносящая дары, — настоящая *dona ferens*. Фигура Шинкаренки, его мощныя слоновья плечи, солидный животъ и большіе жуткіе усы, — вся его внѣшность говорила, что этотъ человекъ ведетъ здоровую, близкую къ матери-природѣ жизнь, не осложненную ни туманнымъ богоскательствомъ, ни лжемудрствованіями неокантианства. Шинкаренко жилъ просто; крутилъ усы, громилъ израильтянъ, казнилъ и миловалъ дѣвицъ (полуофициально племянницъ) изъ «дома» г-жи Антуанетты Собакиной и, получая трехрублевые взносы, приговаривалъ:

— Человѣкъ не лошадь; больше ведра не вылакаетъ.

И была жизнь Шинкаренки простая и ясная, какъ безоблачное утро лазурныхъ небесъ.

* * *

Революція, конечно, внесла въ ясную лазурь мрачную тучу; все перевернулось вверхъ дномъ, и прежде всего Шинкаренкѣ было предложено отправиться на фронтъ. Его отношенія къ проблемамъ мировой войны отличались сложностью и трагическимъ эклектизмомъ.

— Понимаете, — говорилъ онъ г-жѣ Антуанеттѣ Собакиной наканунѣ своего отъѣзда на фронтъ, — война предметъ деликатный и серьезный. Напримѣръ, если насчетъ продовольствія, или сокрытія грузовъ, то скажу вамъ откровенно, — я самый большой Миллюковъ на свѣтѣ: до побѣднаго конца, со всякими Дарданеллами. Но насчетъ личнаго участія въ военныхъ операціяхъ, съ зачисленіемъ въ пѣхотный запасный полкъ, то здѣсь безъ «мира во что бы то ни стало» никакъ не обойтись...

Шинкаренко уѣзжалъ на фронтъ, провожаемый глухими рыданіями госпожи Антуанетты Собакиной и всѣми ея племянницами. Паровозъ свистнулъ, поѣздъ рванулся въ темную даль, и казалось, что кто-то большой и длинный рождаетъ смерть въ портянкахъ машиниста.

Виталистически настроенный Шинкаренко довольно быстро освоился съ фронтовой обстановкой.

«Насчетъ пролитія крови, — писалъ онъ г-жѣ Антуанеттѣ Собакиной, — здѣсь ничего не слышно, и можно даже удостовѣрить — полнѣйшихъ два нуля».

Жизнь проходила мирно и тихо, даже не безъ нѣкоторой пріятности. Хорошій воздухъ, недалеко въ рѣчкѣ купанье, а главное, — значительный комплектъ партнеровъ для ипры въ «двадцать одно».

Но наука давно установила, что въ славянскомъ племени заложено постоянное стремленіе къ жизненнымъ переменамъ: извѣстный берлинскій профессоръ Биберъ получилъ даже золотую медаль за представленное въ академію сочиненіе на тему: «Стремленіе славянской расы къ переменамъ, какъ причина нахожденія перламутра».

Шинкаренко началъ уже тяготиться однообразіемъ фронтоваго быта, когда изъ Петрограда пріѣхалъ на позиціи дежурный агитаторъ отъ большевиковъ Сеня Мозель.

— Товарищи, — говорилъ Мозель, — зачѣмъ намъ проливы? Жирнымъ, обжорливымъ буржвямъ, дѣйствительно, нужны проливы. Сорвите съ тучнаго буржуйнаго тѣла рубашки и вы поймете, что такое проливы. Вы поймете, не правда ли?

— Поймемъ, — кричали слушатели, — поймемъ!..

Черезъ два дня агитаторъ вѣхалъ. Передъ отъѣздомъ онъ долго бесѣдовалъ съ Шинкаренкой, обѣщая ему поддержку петроградскаго комитета и въ случаѣ удачи нагрудный портретъ Ленина, усыпанный камнями.

Шинкаренко сдѣлался добросовѣстнымъ большевикомъ. Онъ даже забросилъ прибыльное «двадцать одно» и съ утра до вечера произносилъ зажигательныя рѣчи.

— Такъ что, товарищи, Керенскій хочетъ наступать на нашихъ трупахъ, чтобы это, значитъ, буржвизіать выпустилъ свои проливы. Капиталисты и дарданельскіе банкиры, въ союзѣ съ англо-французскимъ капиталомъ, такъ, что

контр-революционный характер... Значит, наступать не надо, пока германские товарищи не протянут свою пролетарскую руку через империалистические... Одним словом, — поехали домой, а сначала господам офицерам юшку выпустить...

Иногда солдаты пробовали возражать Шинкаренку, но никто не мог сравниться с ним в красноречии и эристикѣ, и Шинкаренко всегда оставался победителем.

— Сначала, значит, — обыкновенно заканчивал он свои речи, — капиталистам рванем кишку, а затѣмъ пойдетъ тебѣ всякая земля, и воля, и благостворение воздуха...

Боевая часть, в которой служил Шинкаренко, рѣдѣла съ каждымъ днемъ. Последніе двадцать человекъ изъ роты послали телеграмму военному министру: «Убъедемъ домой. Наступайте сами. Наше вамъ съ кисточкой».

* * *

«Исполнительный комитетъ арестовалъ вождя мѣстныхъ дезертировъ Шинкаренко, именовавшагося большевикомъ и оказавшагося бывшимъ околоточнымъ надзирателемъ».

(Пта.)

* * *

Шинкаренко любилъ жизнь.

Жизнь платила ему тѣмъ же. Въ этомъ смыслѣ Шинкаренко былъ истиннымъ виталистомъ...

Бор. Мирскій.

ГОЛУБЧИКЪ ОБЫВАТЕЛЬ!

Голубчикъ обыватель,
Растерянный, смѣшной,
Скорѣй изъ подъ кровати —
На Божій свѣтъ съ мощной!

Вали деньгу, ворона,
Тому, кто далъ тебѣ,

Взамѣнъ кнута и трона
Величіе въ судьбѣ.

Никто не виноватъ въ томъ,
Что ты — подпольный кротъ,
Что каждый жалкій атомъ
Тебя къ землѣ влечетъ.

Что ты въ минуту горя,
Когда въ бреду страна,
Спѣшишь съ семействомъ къ морю,
И плоть твоя пьяна.

Что ты, постыднымъ трусомъ
Отъ ленинцевъ и кражъ
Готовъ сбѣжать къ зулусамъ,
Оставивъ свой багажъ.

Что, обливаясь потомъ,
Дрожа, за пять перинъ
Кладешь въ сундукъ безъ счета
Ты пачки «Катеринь».

Вали деньгу, ворона,
Тому, кто далъ тебѣ,
Взамѣнъ кнута и трона,
Величіе въ судьбѣ.

Ты можешь стать трибуномъ
И родины пѣвцомъ,
Ударь по звонкимъ струнамъ
Съ восторженнымъ лицомъ...

Ты выйдешь тяжкой ратью,
Свезешь всѣ сундуки...
Не дашь упасть проклятью
Отвергнутой руки!

Александръ Флитъ.

НЕ ПИТАТЕЛЬНО И ОДНООБРАЗНО.

Рис. Н. Д.

Россия: — Удивительно, какой теперь у меня однообразный столъ. Каждый день появляются на столѣ ножки à la большевикъ...

НѢМЕЦКАЯ СНѢГУРОЧКА И РУССКОЕ СОЛНЦЕ.

Рис. В. Лебедев.

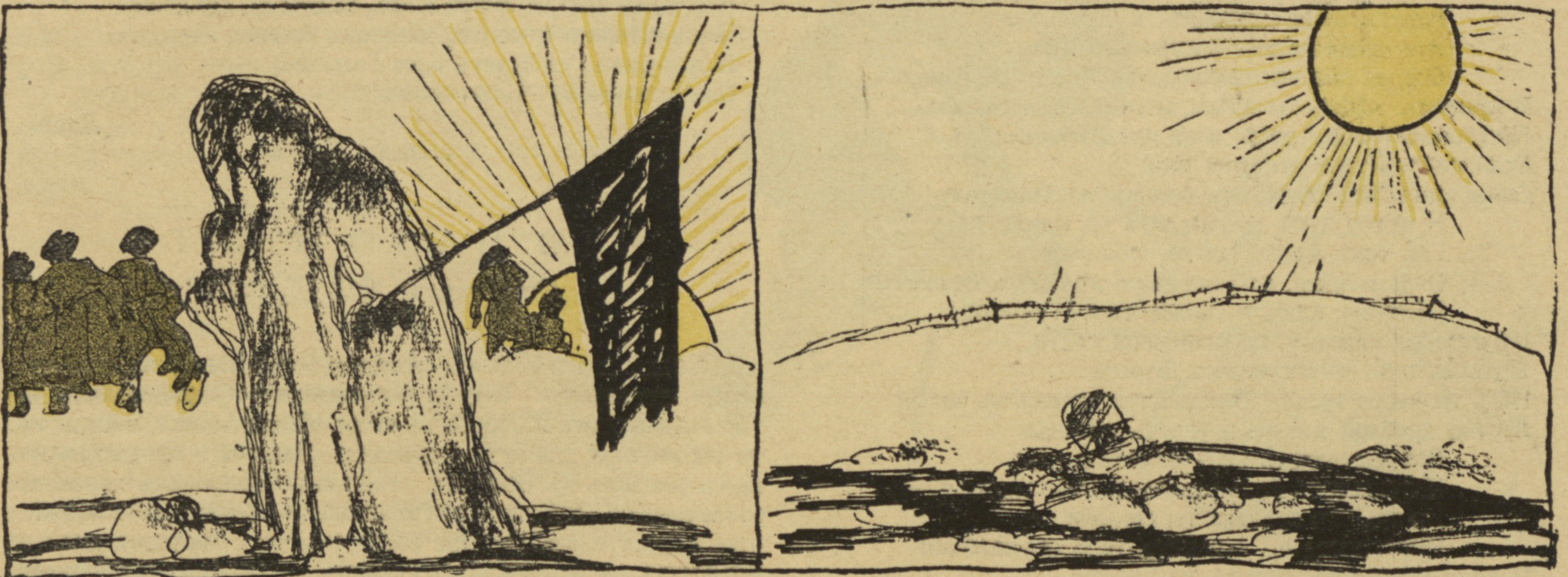
Нѣмцы слѣпили страшную бабу...

Дали ей имя, ввезли въ Россію...

... И ушли.

Подошли русскіе... Стали ахать да охать отъ ужаса.

Но — взошло солнце.

И

Рис. Н. Радлова.

— Пожалуйте, пожалуйста, товарищ анархистъ... Это
вамъ не дача Дурново...

Анархистъ: — Правильно, что это не дача Дурново. Тамъ
изъ-за четвертой стѣны мы гораздо дольше засиживаемся...

ЕГО СМЕРТЬ.

Памяти подпоручика Бончъ-Осмоловскаго.

Къ намъ часто приходятъ такія вѣсти:
То офицера, то солдата, —
А то какъ сегодня, обоихъ вмѣстѣ, —
Но чувство крѣпко въ кулакѣ зажато...
И въ сегодняшней телефонограммѣ
Все такъ кратко, просто и ясно...
Здѣсь мы всѣ — бактеры, и въ кровавой драмѣ
Онъ сыгралъ свою роль по-царски властно.
Ну убить и убить! Безъ причины, случайно,
Или въ дѣтствѣ ему предсказала гадалка, —
Никогда для меня въ этомъ не было тайны,
И сегодня его мнѣ совсѣмъ не жалко!
Я не плакалъ, но страшный припадокъ гнѣва
Вдругъ меня ослѣпилъ: я былъ, какъ въ туманѣ;
Эта новая подлость курносой Дѣвы
Все, до dna всколыхнула въ моемъ сознаныи.
Я кричалъ: «Вѣдь ты здѣсь, и совсѣмъ не далеко,
Но громко говорю тебѣ и съ презрѣньемъ:
Если видишь твое дырявое око,
Осчастливь мой блиндажъ своимъ посѣщеньемъ!
И кричу тебѣ это не изъ гостиной,
Гдѣ такъ модно поэты тебя воспѣваютъ:
Вѣдь я знаю, кто здѣсь по ходамъ ковыляетъ,
Щеголяя, какъ модница, тальей осиной;
Ну отдерни палатку, просунь свои кости, —
Я узнаю тебя по рисункамъ Дюрера...
Вѣдь ты часто теперь къ намъ повадилась въ гости:
Лестно дряблой коготкѣ увлечь офицера.
Всѣ мы знаемъ тебя, старая сводня,
И привыкли, безъ ужаса ждемъ свиданья, —
Но то, что сдѣлала ты сегодня —
Просто подло, — и нѣтъ тебѣ оправданья!
И чему приписать, забавѣ или мести,
Или движима ты неземною любовью?...
Утромъ я былъ на этомъ мѣстѣ:
Лужа воды тамъ смѣшалась съ кровью;
Здѣсь и вправду ходы совсѣмъ неглубоки,
Частью и вовсе сравнялись съ землею...
Гдѣ же теперь твои розовыя щеки,
Нервныя подергиванья головою?
«Да! Ты права: онъ и сложенъ и тонокъ, —
Организмъ, достойный, чтобы его разрушить...»

Но послушай: вѣдь это же былъ ребенокъ!
Впрочемъ, ты никогда не умѣла слушать».

Какъ его глаза, голубѣли дали, —
Все острѣй становился душевный изломъ,
И казалось, какія-то струны звучали,
И тончайшіе звуки неслись, какъ псаломъ.
Уплывали, сливались съ бездной лазурной,
И невнятно, святыми пѣли словами;
Призывали съ собою, къ жизни безбурной,
Къ жизни въ спокойномъ и бѣломъ храмѣ.
Будетъ день, и, какъ онъ, простирая руки,
Къ меланхолии томной, въ безвѣстный шорохъ,
Уплыву я подъ тихіе, струнные звуки,
И не будетъ тоски въ изнуренныхъ взорахъ.
Что намъ завтра, и что намъ, бѣднымъ, сегодня?
Все ничтожно и мелко, минутно, бренно, —
И да будетъ, да будетъ воля Господня
Благословенна! Благословенна!

Дэви.

ЧТО НАДО ЗНАТЬ.

Фельетонъ Арк. Бухова.

Сотни людей сейчасъ сидятъ и безъ отдыха пишутъ брошюры для народа. Иногда популярныя: «Синдикализмъ, интернаціонализмъ и борьба съ ними абсолютизма», иногда чисто справочныя для нуждъ деревни: «Законы о профессиональныхъ союзахъ въ Венгріи». Иногда по вопросамъ характера отвлеченнаго, для разсылки въ окопы: «Атеизмъ, многобожіе и этика буржуазіи». Больше всего, конечно, листовки для чтенія вслухъ на деревенскихъ сходахъ и во время праздничныхъ отдыховъ: «Перманентное въ революціи», «Трансцендентальная метафизика либераловъ». И многое другое.
Въ деревню полилась широкая литература. Демократія обезпечена ей, но никто еще не догадался написать хоть одну популярную брошюру для тѣхъ, кѣмъ, выражаясь географически, изобилуютъ города. И особенно нужна популярная литература по вопросамъ политики (пожертвованія принимаются съ благодарностью. Арк. Б.) тѣмъ, кто благодаря неудачно сложившемуся образованію, пишетъ въ газетахъ.

Брошюропоставщики! Не оставьте безъ вниманія эту забитую сѣрую массу, работающую въ газетахъ, лишённую свѣта знанія и науки. Граждане-солдаты, крестьяне и рабочие, — когда прочитаете брошюры, посланныя вамъ, не бросайте ихъ, а отсылайте обратно сюда, для бесплатной раздачи среди пишущихъ.

Вдумайтесь въ положеніе этихъ людей, товарищи, и вы поймете безвыходность его... Недавно одна бойкая большевистская газета насчитала три столицы Турціи, — Константинополь, Царьградъ и Стамбуль. Другая уличная, чайно-распивочнаго образца увѣряла, что городъ Циммервальдъ, это нѣмецкій шпионъ, живущій въ Стокгольмѣ и получающій ежемѣсячное вознагражденіе; крупная, старая газета возмущалась, почему держатъ до сихъ поръ въ тюрьмѣ покойнаго Карла Либкнехта, другая, болѣе молодая, но не менѣе крупная газета, спутала народныхъ социалистовъ со старообрядцами... Ужасомъ нѣтъ конца. И такъ всю жизнь, не только до, но и послѣ Учредительнаго Собранія, эти люди будутъ погибать въ темнотѣ и невѣжествѣ, если кто-нибудь не придетъ къ нимъ на помощь.

Поэтому, не дожидаясь содѣйствія со стороны, я рѣшилъ самъ составить небольшое руководство для лицъ, желающихъ работать въ это отвѣтственное время въ буржуазной и социалистической прессѣ. Особенно въ первой, гдѣ невѣжество идетъ параллельно съ размѣромъ газеты и ея тиражемъ.

* * *

Говоря о политическомъ строѣ иностранныхъ государствъ, нужно быть очень осторожнымъ и не довѣряться впечатлѣнію незрѣлаго періода. Такъ увѣрять въ передовой статьѣ, что Америка населена индѣйцами и управляется вождями — нельзя. Поэтому-то и возражать противъ обвиненій американскихъ капиталистовъ неудобно въ такой плоскости.

— Какіе же тамъ капиталисты? Помилуйте, тамъ индѣйцы, небоскребы да собственные корреспонденты «Синяго Журнала»... А вы — капиталисты...

Точно такъ же передъ употребленіемъ слова империалистъ нужно немного задуматься. Нельзя называть империалистомъ, приписывая ему еще и захватныя тенденціи, солдата, который не успѣлъ дезертировать изъ маршевой роты. Точно также нужно отнестись осторожно къ заявленію о захватной и продолжительной войнѣ со стороны крупнаго поставщика на армію. Порой эти люди могутъ быть и не названы настоящими друзьями чело-вѣчества.

Слово аннексія, несмотря на свою немногосложность, не должно быть вставляемо безъ разбора. Такъ въ требованіяхъ объ ускореніи водворенія порядка въ передовицѣ октябристской газеты нельзя писать:

— Мы требуемъ, чтобы всѣ были повѣшены безъ замедленія, долгихъ разговоровъ и вообще безъ всякихъ аннексій.

Аннексія это другое. Лучше не вставлять слова аннексія вообще въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ требуется присоединеніе незавоеванной еще территоріи.

— Требуемъ присоединенія восточной Аравіи на основахъ отказа отъ аннексій и уплаты двухъ миллиардовъ, дабы избѣжать контрибуціи.

Аграрнымъ вопросомъ называется вопросъ о землевладѣніи, и не слѣдуетъ, какъ это дѣлаетъ одна многотиражная газета, надъ описаніемъ буйства двухъ дезертировъ по поводу невыдачи имъ денатурата въ извозчикѣмъ трактирѣ, ставить сверху заголовокъ: «Аграрное движеніе». Не имѣетъ смысла также замѣтку о требованіи рабочихъ текстильной промышленности о четырехъ часовомъ рабочемъ днѣ озаглавливать: «Пролетаріатъ и его роль въ революціи».

Пацифизмомъ называется убѣжденіе въ томъ, что развлекаются войной только тѣ, кто отъ нея не страдаетъ, и вообще лучше этимъ не заниматься. Такъ, если папа римскій съ цитатами изъ евангелія начинаетъ убѣждать акціонерныя компании, правящія монархическими странами, о томъ, что миръ это не такое уже зло, безтактно писать замѣтку:

— Новый ленинецъ. Небезызвѣстный Бенедиктъ Пій X (Ганделовичъ) призываетъ къ сепар-

ратному миру. Ему же принадлежитъ циркуляръ № 1. Берегись, дворець-Кшесинской...

Очень осторожно надо писать объ искусствѣ. Требовать немедленнаго захвата его изъ рукъ буржуазіи для передачи районнымъ кооперативамъ, или органамъ городскихъ самоуправленій абсолютно бесполезное занятіе. Искусство не подлежитъ также и уравнительному распредѣленію между бѣднѣйшимъ населеніемъ страны; можно понять радость семьи, когда на ея долю придется Леонидъ Андреевъ, но какъ будетъ ужасъ небогатаго провинціального семейства, на долю котораго достанется Кузминъ...

* * *

Сколько еще полезно было бы дать необходимыхъ свѣдѣній для сотрудниковъ газетъ, но прямо духъ захватываетъ отъ грандіозности этой работы... Съ моими ли слабыми силами выполнить ее?..

Поэтому-то, отказываясь отъ истощающей энциклопедіи, я снова обращаюсь къ товарищамъ рабочимъ, крестьянамъ и солдатамъ: не бросайте популярныхъ брошюръ и книгъ. Помните о столицѣ, — онѣ здѣсь можетъ быть нужнѣе, чѣмъ у васъ...

Арк. Буховъ.

НОВЫЙ ГИМНЪ.

Боже, храни отъ царя
Нашу рожденную въ мукахъ свободу!
Полно царить ненавистному роду
Съ помощью слугъ алтаря;
Пусть никогда не придется народу
Вновь славославить царя.

Царствуй Хозяинъ-Народъ,
Царствуй, отнынѣ, державный, со славой!
Да не смутитъ тебя рѣчью лукавой
Племя царей и господъ,
Царствуй, великій, свободный и правый
Русскій Хозяинъ-Народъ.

Альми.

Рис. Н. Радлова.

ВЕЛИКІЙ РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

— Товарищи! Я вамъ русскимъ языкомъ говорю, что интернационализмъ въ профессиональныхъ организаціяхъ, какъ имманентное явленіе, рефлексирюясь въ активности координированныхъ индивидовъ... Поняли товарищи?!!

Лѣвые...

Кадеты...

Правые...

Просто обыватели...

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА.

„Тыловой“: — Я, маменька, на фронтъ не пойду! Рѣшилъ тутъ революцію защищать!
Россія: — Ой, боюсь я, какъ бы она отъ твоей защиты ноги не протянула...

Рабочій: — Врешь, братъ, я тебѣ дешевле, чѣмъ за пять рублей, азбуку не напечатаю...
Издатель: — Мы еще поборемся. Я ее за десять рублей продамъ!

КАПЛИ КРОВИ.

Аркадія Аверченко.

Разсвѣтъ. Тихое, тяжелое, какъ свинець, море.

Катеръ отдѣляется отъ миноносца и, разсѣкая, вспѣнивая винтомъ свинцовую воду, направляется къ маленькому, забытому Богомъ и людьми островку — Березани.

Предутренній вѣтерокъ чуть рябитъ тяжелую воду у песчаного берега. Катеръ остановился, и изъ него трусливо и злобно выталкиваютъ худого изнуреннаго человѣка безъ шапки, босого, въ одномъ бѣльѣ.

Много побезпокоилъ народу этотъ жалкій, безоружный человѣкъ: это изъ-за него выстроился взводъ матросовъ съ винтовками, это изъ-за него взводъ матросовъ окруженъ ротой пѣхоты, получившей приказъ стрѣлять въ матросовъ, въ случаѣ ихъ неповиновенія. Это изъ-за него нѣсколько военныхъ судовъ, окруживъ островъ, навели пушки на роту пѣхоты для устрашенія ея — на тотъ случай, если она откажется стрѣлять въ матросовъ, въ свою очередь могущихъ отказать стрѣлять въ босого безоружнаго человѣка. Если можно было бы окружить чѣмъ-нибудь и военныя суда для устрашенія ихъ, на тотъ случай, если они откажутся стрѣлять въ пѣхоту, — окружили бы, заперли бы безоружнаго босого бѣднягу въ четыре желѣзныхъ кольца, — чтобы покрѣпче было, попрочнѣе.

И вся эта грандіозная суматоха поднялась только изъ-за того, что нужно было всадить въ маленькое красное сердце босого нѣсколько свинцовыхъ пуль.

А онъ шелъ къ своему мѣсту, спокойный, гордый и вмѣстѣ съ тѣмъ ласковый, ко всѣмъ неся въ себѣ, босомъ, избитомъ и истерзанномъ, огромную любовь къ русскимъ людямъ, къ истерзанной Россіи.

Дошелъ до своего мѣста. Сталь. Поглядѣлъ на восходъ солнца, тихо вздохнулъ, сказалъ: «Пожалуйста, повязки на глаза не надо. Умру такъ».

И умеръ, успѣвъ крикнуть съ пулями въ глѣзѣ:

— Да здравствуетъ революція! Умираю за свободу Россіи!

Лейтенантъ Шмидтъ! Я хотѣлъ бы, чтобы твоя святая безсмертная душа витала гдѣ-нибудь за моимъ плечомъ въ то время, какъ я пишу эти строки. Я хочу, чтобы ты прочелъ то, о чемъ я скажу ниже...

Разъ ты, благородный чистый сердцемъ морякъ, сказалъ передъ смертью: «Не надо повязки на глаза!» — я исполняю твою предсмертную волю: дѣйствительно, къ чорту повязки! Смотри, взгляни прямо на то, что происходитъ въ Россіи, что дѣлаютъ русскіе, — тѣ самые русскіе, за которыхъ ты положилъ алмазную жизнь свою, за которыхъ мученической вѣнецъ пріялъ.

Вѣдь тебѣ не страшно взглянуть на насъ, тебѣ, который такъ смѣло, не моргнувъ глазомъ, смотрѣлъ въ черныя дула ружей, направленныхъ въ твою голову.

Взгляни черезъ мое плечо, прочти, что я расскажу тебѣ — это будетъ чистая, какъ хрустальный родникъ правда, потому что тебѣ, твоему свѣтлому духу, нельзя лгать.

А можетъ быть, бѣдный ты мой, легче тебѣ было перебраться съ черными глазами ружейныхъ стволовъ, чѣмъ увидѣть сейчасъ то, что я покажу.

Тогда, по крайней мѣрѣ, была у тебя надежда на будущее, а теперь вотъ оно, это будущее передъ тобою... Оно уже настоящее...

Гляди:

* * *

Это, конечно, не всѣ, но ихъ много.

Въ 9 часовъ утра, въ 11 часовъ утра, въ 3 часа дня ихъ можно встрѣтить повсюду отъ широкаго многоверстнаго Невскаго до какого-нибудь окрайнаго Кривокольного переулка. Они бродятъ, лѣниво волоча отяжелѣвшія ноги, грызутъ съмечки, торгуютъ папиросами, торгуютъ увяшими въ крѣпкихъ потныхъ ладоняхъ цвѣтами, таскаютъ пассажирамъ вещи въ вагоны, а чаще всего просто висятъ этакой живописной гроздью на трамвайной площадкѣ, влекомые невѣдомо куда, невѣдомо зачѣмъ...

Кто они?

Назовемъ ихъ точно: это неизвѣстные люди, одѣтые въ солдатскую одежду.

Это не солдаты, — нѣтъ. Солдаты не такіе. Если въ военное время солдатъ не воюетъ, — онъ не солдатъ.

Солдатъ не можетъ торговать папиросами и получить на чай отъ щедрыхъ желѣзнодорожныхъ пассажировъ...

Я слишкомъ уважаю солдата, чтобы думать, что солдатъ можетъ торговать изъ-подъ полы необандероленными папиросами или получать на чай отъ пассажировъ. Солдатъ благороденъ. Солдатъ защитникъ отечества, солдатъ гордость страны, а не маклакъ, спускающій у набережной Фонтанки казенные сапоги и гимнастерку презрѣнному скупщику.

И вотъ бродятъ они по городу, — лѣнивые, вялые, бездѣятельные и корыстолюбивые, — эти «неизвѣстные люди, переодѣтые въ солдатскую одежду».

Видишь ли ты ихъ, Шмидтъ?

Вѣдь это тѣ сыны свободной Россіи, на долю которыхъ пришлось нѣсколько капель твоей святой крови.

Помнишь разсвѣтъ, песчаный берегъ, свинцовую тихую воду, запахъ пороховаго дыма, — это для нихъ ты сдѣлалъ.

* * *

Это, конечно, не всѣ, но ихъ много.

До революціи они получали то, что обнищавшее государство могло заплатить, и работали, работали до седьмого пота на оборону. Теперь, въ первые же дни послѣ революціи они взвинтили плату за трудъ втрое, ввели 8-часовой рабочей день и почтили на лаврахъ.

Конечно, это все нужно и восьмичасовой день и увеличеніе платы, но зачѣмъ они такъ спѣшили? Почему такая то-ропливость?

Развѣ ихъ первая революціонная мысль была о Россіи? О родинѣ? Нѣтъ. О себѣ.

Прочти надписи на ихъ знаменахъ, Шмидтъ, на тѣхъ самыхъ знаменахъ, которыя они такъ гордо несутъ впереди на всѣхъ манифестаціяхъ:

— «Да здравствуетъ пролетаріатъ».

— «Да здравствуетъ Интернаціоналъ».

— «Да здравствуетъ Циммервальдъ».

А вѣдь такъ было бы просто написать:

— «Да здравствуетъ Россія».

Никому изъ нихъ въ голову не придетъ этотъ архаическій лозунгъ.

Онъ только тебѣ пришелъ въ голову, когда ты стоялъ передъ ружейными дулами. Это ты, смѣшной старомодный чудакъ, крикнулъ, падая:

— Да здравствуетъ революціонная Россія!»

И на ихъ долю тоже пришла часть твоей святой крови, — на долю людей, гордо несущихъ шикарный плакатъ:

— «Да здравствуетъ Циммервальдъ».

О! Ты, мирный Циммервальдъ, никогда не зналъ, не видѣлъ свинцовой притихшей отъ ужаса воды, песчаного унылаго берега, и холодный предразсвѣтный вѣтерокъ никогда не шевелилъ тебѣ въ послѣдній разъ волосъ на обнаженной головѣ.

* * *

— Извозчикъ, на Николаевскій вокзалъ.

— Хм!.. Повезти, что-ли-ча?.. Давай восемь цѣлковыхъ.

— Въ умѣ ли ты? За пятнадцать минутъ ѣзды.

— А дорого, — не садись. Чего зря языкъ чесать!

— Но вѣдь ты пользуешься моимъ безвыходнымъ положеніемъ! Раньше ты и не подумалъ бы...

— Чаво тамъ раньше. Раньше было одно, а теперь свобода.

Вотъ онъ сидитъ передъ мной — невыносимо-развязный, опьянѣвшій отъ безнаказанности и сознанія своей силы, мелкій, темный, жалкій хамъ, а вѣдь онъ сынъ русскаго народа, а вѣдь и за него ты пролилъ частичку твоей крови, и онъ украшенъ одной рубиновой каплей твоего прострѣленного сердца.

И всплываетъ ужасная мысль:

— Нуженъ ли былъ, подлинно ли былъ такъ необходимъ песчаный пустынный берегъ, кольцо кораблей, одинокій босой человекъ безъ шапки и ружейный залпъ, направленный въ затравленного босого человека.

Гляжу я въ нѣмую пустоту и задаю тебѣ, Шмидтъ, страшный вопросъ:

— Если бы зналъ ты тогда о томъ, что я тебѣ рассказалъ сейчасъ, пошелъ бы ты на свою Голгоу? Стоила бы наша позорная шуллерническая игра такой прекрасной Божьей жертвенной свѣчи? Зная о томъ, что дѣлается теперь, сталь ли бы ты подъ выстрѣлы?

Отвѣть же мнѣ, Шмидтъ!

И слышится мнѣ, вмѣстѣ съ далекимъ благовѣстомъ далекихъ колоколовъ, еле уловимый въ городскихъ шумахъ отвѣтъ:

— Все равно пошелъ бы. Сталь бы.

— Почему?! — мечется мысль моя. — Отвѣть!

И отвѣчаетъ еле слышимый:

— Ибо не вѣдаютъ они, что творять.

Арк. Аверченко.

ИЗЪ ТРАМВАЙНЫХЪ ВСТРѢЧЪ.

(Петроградская драма.)

Во дни революціи, драмъ и войны
Сердца-провокаторы — часто
Послушны велѣньямъ буржуинной весны:
Влюбляются, черти — и баста!..

Я встрѣтилъ васъ впервые въ маѣ,
Когда въ поляхъ цвѣла трава...
Ахъ, вы висѣли на трамваѣ
Маршрута № 22.

Всѣхъ разбросавъ въ могучей схваткѣ,
Кому-то въ давкѣ выбивъ глазъ,
Къ стержню стальному на площадкѣ
Я прицѣпился сзади васъ.

О, сладкій мигъ! Вашъ локоть милый
Впился мнѣ въ пятое ребро,
А шляпки край съ нездѣшной силой
Царапалъ шею такъ остро...

И я шепнулъ вамъ томно-глухо, —
— Дитя, продвинься дюйма три,
Зане мнѣ влѣзло прямо въ ухо
Твое прелестное эспри!

Вы шевельнулись нѣжной рыбкой,
Стремящейся покинуть дно,
Потомъ отвѣтили съ улыбкой:
— Куда же? Видите — полно!..

Я любовался вашей шейкой
И не почувствовалъ въ тотъ мигъ,
Что клеркъ, солдатъ, купецъ съ еврейкой
На мнѣ повисли тьмой веригъ.

Что кто-то влѣзъ ко мнѣ на плечи,
Впился въ затылокъ чей-то носъ...
Ахъ, весь уйдя въ пріятность встрѣчи,
Не замѣчалъ я ни-че-го-съ!

И вдругъ... случилось роковое:
Подъ чьей-то тяжкою рукой
Съ трамвая наземь я и двое
Свалились около Морской.

А вы умчались, легкимъ смѣхомъ,
Привѣтивъ славный мой полетъ...
Но до сихъ поръ отвѣтнымъ эхомъ,
По васъ буржуйно сердце мретъ!

Истративъ больше сотни гривенъ,
Ищу во всѣхъ трамваяхъ ту,
Чей локоть такъ призывно-дивенъ,
Что забываешь тѣсноту!

Вотще!.. И въ мукахъ изнывая,
Влачу я жизнь едва-едва...
Будь проклять ты, вагонъ трамвая,
Маршрута № 22!!

Доль.

ВЪ ВАГОНѢ ПЕРВАГО КЛАССА.

Тѣсно въ вагонѣ и душно. Стоять въ проходахъ, на площадкахъ, сидятъ на чемоданахъ и корзинахъ.

То и дѣло слышится:

— Не напирайте такъ на корзину, тамъ яйца.

— А у меня вишни. Три съ полтиной фунтъ.

— Шоколадъ растаялъ.

— Изъ вашего чемодана какая-то жидкость течетъ.

— Боже! Бутылка съ денатурапомъ разбилась.

Какой-то господинъ въ великолѣпной панамѣ говорить съ злостью:

— Всякій теперь въ первый классъ норовитъ!

— Денегъ много! — ехидно улыбается его сосѣдъ, тоже «панамистъ»: — ничтожный мастеришка зарабатываетъ 25—30 рублей въ день. Отчего же не полѣзть ему въ первый классъ.

— Ничего! — замѣчаетъ со злостью первая панамы: — ненадолго. Усмирять.

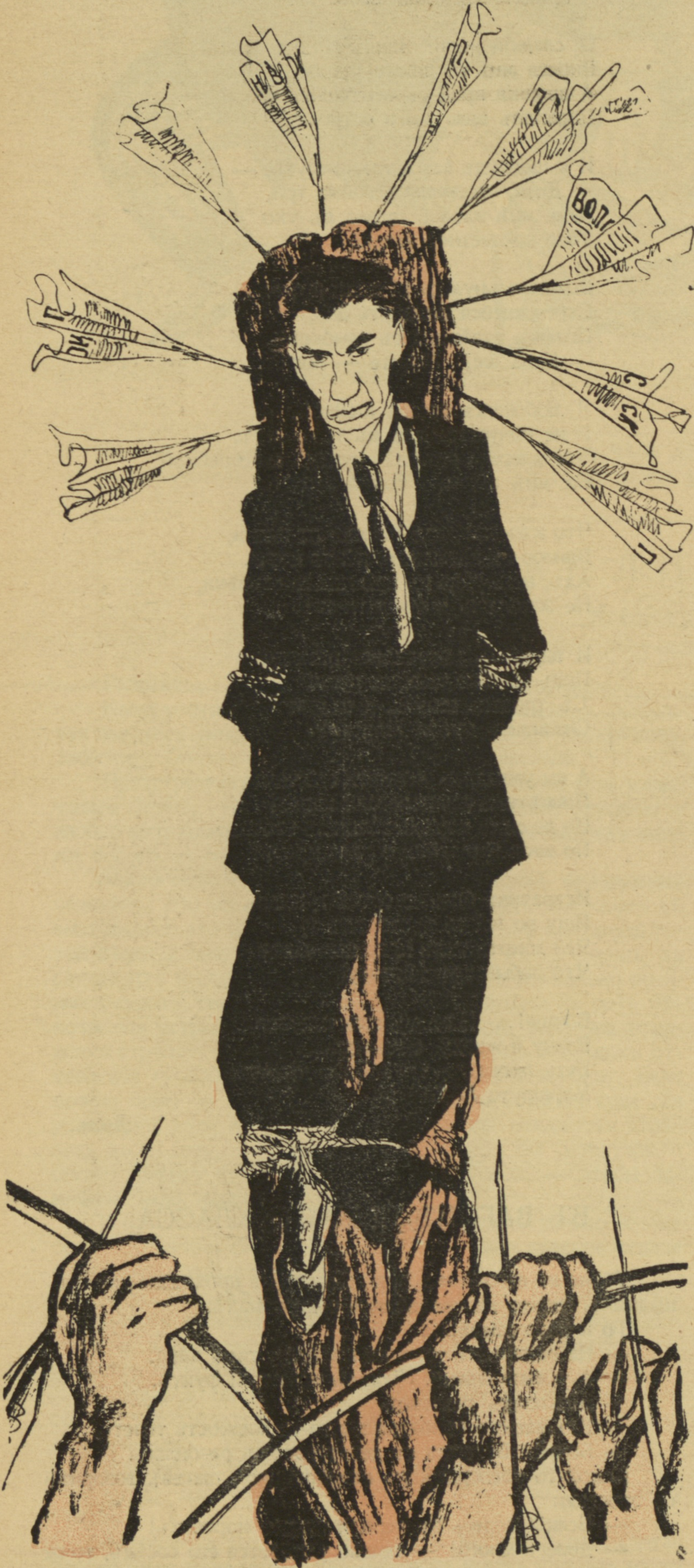
— Вы думаете?

— Конечно. Придутъ казаки...

— Охъ, если бы! — вздыхаетъ вторая панамы.

Рядомъ раздается насмѣшливый голосъ:

Рис. В. Лебедева.

СВ. СЕБАСТІАНЪ НАШИХЪ ДНЕЙ.

Стрѣлки изъ „Правды“: — Чортъ возьми! Чѣмъ больше стрѣлъ мы въ него пускаемъ, тѣмъ большимъ ореоломъ окружаемъ его!..

— Напрасно надѣетесь, товарищи.

Говорить явный «третьеклассникъ». Для всѣхъ ясно, что онъ попалъ въ первый классъ потому, что въ переполненный третій онъ ужъ никакъ влѣзть не могъ.

— Напрасно надѣетесь, — повторяетъ «третьеклассникъ». — Ничего вамъ казаки не помогутъ.

— Не будете ли такъ любезны объяснить почему?

— Во-первыхъ, потому, что казаки не захотятъ...

— А во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ, потому что, потому что... Ну, словомъ и во-вторыхъ не захотятъ, и въ-третьихъ не захотятъ.

Панама что-то хочетъ сказать, но во-время вспоминаетъ, что неловко приличному человѣку возлагать всѣ свои надежды на казацкую нагайку.

«Третьеклассникъ» тоже умолкаетъ. Но ненадолго воцаряется въ вагонѣ тишина.

— Понимаете, — прерываетъ тишину визгливый женскій голосъ, — всѣ — псевдонимы. Вчера я только узнала, что фамилія Плеханова Лейзеровичъ...

— Ошибаетесь, сударыня, — говоритъ сидящій рядомъ съ ней студентъ, — Плехановъ не псевдонимъ, а настоящая фамилія.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь! — не сдается дама. — Я знаю, навѣрное, что Лейзеровичъ. А фамилія Алексинскаго Шейдеманъ. Ужъ вѣрьте мнѣ.

Студентъ пытается защищать свою позицію.

— Насчетъ Алексинскаго не знаю, а Плеханова...

— Псевдонимъ! Псевдонимъ!

— Можетъ быть! — начинаетъ сомнѣваться студентъ: — Теперь развѣ разберешь.

Они еще долго говорятъ о псевдонимахъ. Оказывается что и Черновъ — псевдонимъ, и Пѣшехоновъ — псевдонимъ, и Церетели — псевдонимъ.

А рядомъ со мной сидятъ два російскихъ гражданина — еврей и русскій.

Еврей говоритъ:

— Вотъ вы, умный человѣкъ, скажите, что дѣлать евреямъ? Въ смыслѣ правъ все хорошо, грѣхъ жаловаться, а въ общемъ все-таки не блестяще и даже худо.

— Въ чемъ же это худо?

— Да вотъ хотя бы въ чемъ. Я, какъ вамъ извѣстно, безпартийный. Много у меня знакомыхъ поэтому и среди эсдековъ и среди эсъ-еровъ, и среди кадетъ. Встрѣчаю недавно эсъ-ера. То да се, «Да здравствуетъ республика» и т. д. А въ концѣ говоритъ мнѣ: «Откровенно скажу вамъ, слишкомъ много среди эсдековъ евреевъ. Это бросается въ глаза. Вамъ, евреямъ, нужно было бы повліять на свой народъ, что бы не шли въ социаль-демократы. Это можетъ дурно отозваться на евреяхъ».

Еврей закурилъ папиросу и продолжалъ:

— Я ему и говорю: «Среди эсъ-еровъ тоже вѣдь не мало евреевъ». Называю имена крупныхъ эсъ-еровъ и спрашиваю: «Неужели изъ-за этихъ праведниковъ русскій народъ не проститъ евреямъ эсдечества? Вѣдь изъ-за одного праведника Богъ хотѣлъ простить Содомъ и Гоморру». Молчитъ. Дня черезъ два встрѣтилъ социаль-демократа.

— И тотъ же вопросъ предложилъ?

— Тотъ же самый. «Почему у эсъ-еровъ такъ много евреевъ? Въ народѣ начинаютъ поговаривать, что евреи идутъ противъ настоящаго социализма». Я ему назвалъ нѣсколько именъ крупныхъ социаль-демократовъ евреевъ и задалъ тотъ же вопросъ: «Неужели изъ-за этихъ праведниковъ народъ русскій не пощадитъ евреевъ?»

— Онъ тоже молчалъ?

— Молчалъ. А сегодня въ банкѣ мнѣ говоритъ председатель правленія, кадетъ: «Много у васъ среди евреевъ социалистовъ. Русскій народъ начинаетъ коситься на васъ». Я ужъ тутъ закричалъ: «Позвольте, а Винаверъ, а Шефтель, а Грузенбергъ? Неужели изъ-за нихъ»...

— Что же вашъ директоръ-распорядитель?

— Молчалъ. Всѣ молчатъ, когда надо дать прямой отвѣтъ еврею.

— Какой отвѣтъ вы считаете прямымъ?

— Какой отвѣтъ?.. До свиданія. Мы вотъ къ станціи подѣхали. Мнѣ здѣсь выходить.

Еврей сталъ собирать свои вещи.

О. Л. Д'Орь.

Министръ: — Анархисты! Здѣсь все Временное Правительство и Совѣтъ С. и Р. Д. Черезъ три дня прѣдутъ и наши представители въ иностранныхъ государствахъ. Мы очень извиняемся передъ вами за это опозданіе, но можетъ быть вы простите насъ и согласитесь очистить это частное зданіе... У насъ такая масса дѣлъ и мы горопимся.

ЪШЬ, ПРОЛЕТАРІЙ.

(Памфлетъ.)

Хорошо, пролетарій,
Стань
Диктаторомъ!
Острую сталь
Поставь на стражѣ,
Стань диктаторомъ
Въ одеждѣ латной,
Между столовой бесплатной
И платнымъ ватеромъ
Стань на стражѣ.
Съ бронированнымъ автомобилемъ
Даже
На каждой квадратной милѣ —
Кончено —
Призналь!

Былинка противъ огненной лавы,
Раскрыль уста я
Для послушной славы,
Убилъ горностая
Для твоей монаршей мантии,
Пишу сонетъ
Гордой инфантѣ
Синей блузѣ —
Такой синей,
Какъ небо Андалузіи —
Пишу сонетъ.
Мнѣ что?
Поэтъ,
Но нѣчто
Сказать имѣю.

Вотъ:
Постараюсь быть проще —
Ваше Величество,
Господинъ Пролетарій,
Животъ
Какой онъ у васъ тощій!
А руки и ноги —
Боги!
Толще ли онѣ макаронъ?
Ваше Величество,
Да вѣдь вы же мощи,
Освятившія всероссійскій тронъ!..

Ъшьте, Ваше Величество!
Царскосельскіе повара,
Искусные парни.
Вамъ по сану, Ваше Величество,
Вполнѣ приличествуютъ
Шедевры царской поварни...
Да будетъ вамъ впрокъ
Каждый кусокъ
Хлѣбный.
Пушкой
Располнѣйте,
А я
Передъ каждой восьмушкой
Накопленной вами сдобы
Буду пѣть молебень хвалебный —
Да исправится молитва моя!

Вѣрноподанный, добрый,
Года
Ждать буду,
Когда
Возблагодарю Будду,
Христа,
Магомета...
За могучее ваше чрево.
Будутъ ихъ славить мои уста
За это.
А пока, а покуда,
Ваше Величество,
Мнѣ очень худо —
Мірѣ мнѣ тѣсенъ,
Ревнующему отцу
Моихъ возлюбленныхъ пѣсенъ.

А пока,
А покуда
Всѣмъ намъ худо —
Слѣдящимъ закатныя облака,
Ласкающимъ бѣлый мраморъ статуй,
Отмѣчающимъ золотой датой
День рожденія книгъ,
Оснастившимъ бѣлопарусный бригъ,
Умереть готовымъ у румба
На завѣтномъ пути
Колумба
Умереть, но найти,
Но упиться побѣдой!

Господинъ Пролетарій,
Обѣдай!
По восемь,
По десять,
Разъ!
Умильно просимъ,
На девятый гласъ...
По восемь,
По десять —
Значить, надо!
Задавай пиръ!
Съ корову вѣситъ
Значить надо,
Чтобы кончить взирать на міръ,
Какъ на ресторанъ второго разряда...

Валентинъ Горянскій.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Послѣдній изъ кандидатовъ.

Теперь Федоры Кузьмичи измельчали.

Вчера ночью на Невскомъ пр. какой-то человекъ, собравъ вокругъ себя большую толпу, заявилъ, что онъ только что пріѣхалъ изъ Сибири для занятія принадлежащаго ему по праву трона свергнутаго Николая Романова.

„Кандидатъ на царскій престолъ“ былъ задержанъ и доставленъ въ комиссаріатъ, гдѣ выяснилось, что онъ психически больной.

Вполнѣ естественно. Развѣ теперь психически здоровый человекъ позарится на такое мѣсто...

Нетактичные.

Общество рѣшительно должно заступиться за балерину Кшесинскую. Ея доброму имени начинаютъ грозить официально. Такъ „Правда“ (приводимъ это заявленіе текстуально) заявляетъ:

О газетныхъ слухахъ.

Газетныя свѣдѣнія о томъ, будто Ц. К. или П. К. нашей партіи вернулись къ Кшесинской, невѣрны.

Ц. К. или П. К. это все равно. Дѣло въ томъ, что о женщинѣ все равно такихъ вещей не пишутъ...

Головотяпы.

Изъ „Маленькой Газеты“. Той самой, о которой теперь во-время сказать: „Лучше сто большихъ погромщиковъ, чѣмъ одна „Маленькая Газета“. Изъ почтового ящика:

М. Билибину. Одна наша сотрудница ваши шахматныя задачи рѣшила. Зачѣмъ, однако, вы ихъ прислали?

Въ „Маленькой Газетѣ“ всегда такъ: сначала разобьютъ лобъ, а потомъ спрашиваютъ, кто заставилъ молиться. Сначала официально заявятъ, что скрали и поставили на дворѣ два горныхъ орудія, призовутъ къ разгрому Врем. Прав., а потомъ удивляются, почему ихъ погромщиками считаютъ...

Кстати.

При теперешнихъ заработкахъ представителей физическаго труда иногда трудно становится разобрать, имѣетъ ли смыслъ сейчасъ пѣть „Варшавянку“ — мреть съ голодухи нашъ русскій рабочій... Но если въ Петроградѣ ее можно пропѣть съ замѣной, что мрутъ съ голодухи вообще всѣ, кто этого хочетъ и не хочетъ, то въ Ростовѣ-на-Дону дѣло, по-видимому, обстоитъ иначе, и пѣть тамъ этого не стоитъ. Тамъ

портовые грузчики, работающіе на пристаняхъ Дона, предъявили требованія, въ случаѣ неудовлетворенія которыхъ, они угрожаютъ забастовкой, — что въ свою очередь вызоветъ прекращеніе судоход-

ства. Предъявляя требованія, грузчики, заявляютъ, что они желаютъ получить 900 рублей въ мѣсяцъ, такъ какъ зимой они будутъ безъ работы.

Дѣло передано въ примирительную камеру.

Въ какую же камеру надо направлять дѣла о студентахъ, живущихъ на 75 рублей въ мѣсяцъ, или объ учителяхъ, получающихъ въ мѣсяцъ 30 рублей?

Заговорили молчавшіе.

Не избалованы мы человѣческими словами за послѣднее время, и приятно прочесть у Тана въ фельетонѣ:

Всѣ до истерики напуганы, боятся дѣйствительной жизни, боятся другъ друга. Кадеты трепещутъ передъ анархіей, и отъ страха у кадетовъ двоится и троеится въ глазахъ. Выпалить гдѣ-нибудь пугачъ — и они ужъ вопять: „Канонада!“ Красный комаръ пролетитъ (и вправду на-

пившія крови), а имъ чудится красный пѣтухъ, даже красный драконъ.

Можетъ быть, анархія, которая начинаетъ прокатываться по широкимъ дорогамъ Россіи, разовьется въ ураганъ. Быть можетъ; но если французскихъ гражданъ обвиняли за то, что они за революціей анархіи не увидѣли, то право же за анархіей и самое революцію не видѣть — еще хуже...

Редакторы: { Арк. Буховъ.
А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконтъ“.
Петроградъ, Невскій пр., 88 — Тел. 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб. за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Театральная библіотека „Новаго Сатириконтъ“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 3-й. Чортова дюжина.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

КООРИН
совершенно устраняетъ запоры, пробная коробка докажетъ Вамъ это.

Вы сразу избавитесь отъ пучения желудка, тошноты, изжоги, отъ катара, геморроя и головныхъ болей. Ваше настроеніе улучшится, нервы задрожатъ, появится сила, энергія и бодрый видъ. Требуется въ ближайшей аптеке или складѣ. Кооринъ-Стать абсолютно безвреденъ.

ДРОМЪ мы вышлемъ Вамъ очень цѣнную и интересную брошюру.

К-ра Лабораторіи Кооринъ - Стать.
Петрогр., Николаевск., 16, отд.

Рѣшенъ давно уже вопросъ...
Нѣтъ лучше „ЯНА“ папирозъ!

Ж-во А. Я. Бондаковъ и Ко.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

5-й годъ изданія. 5-й годъ изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ПЯТЬ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 10 руб., съ пересылкой и доставкой 11 руб., на полгода 5 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 95 коп.

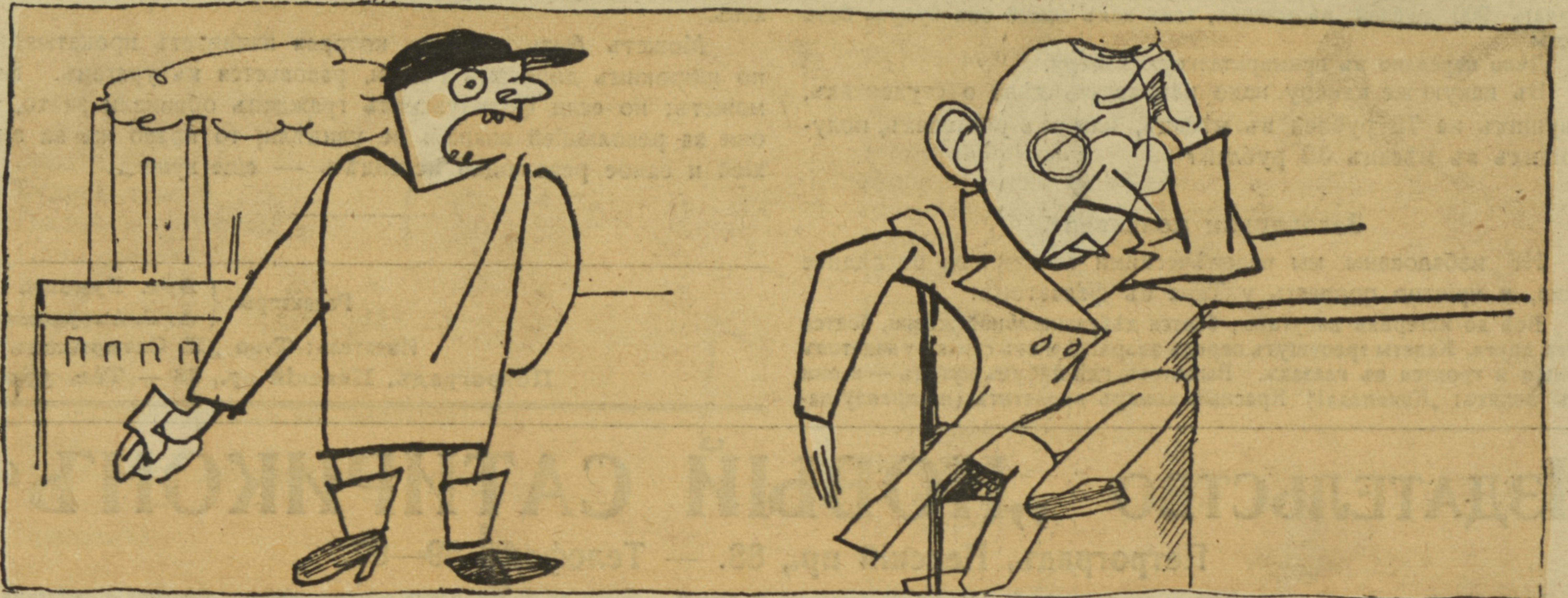
ЦѢНА за объявленія — непарель 1 строка 80 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

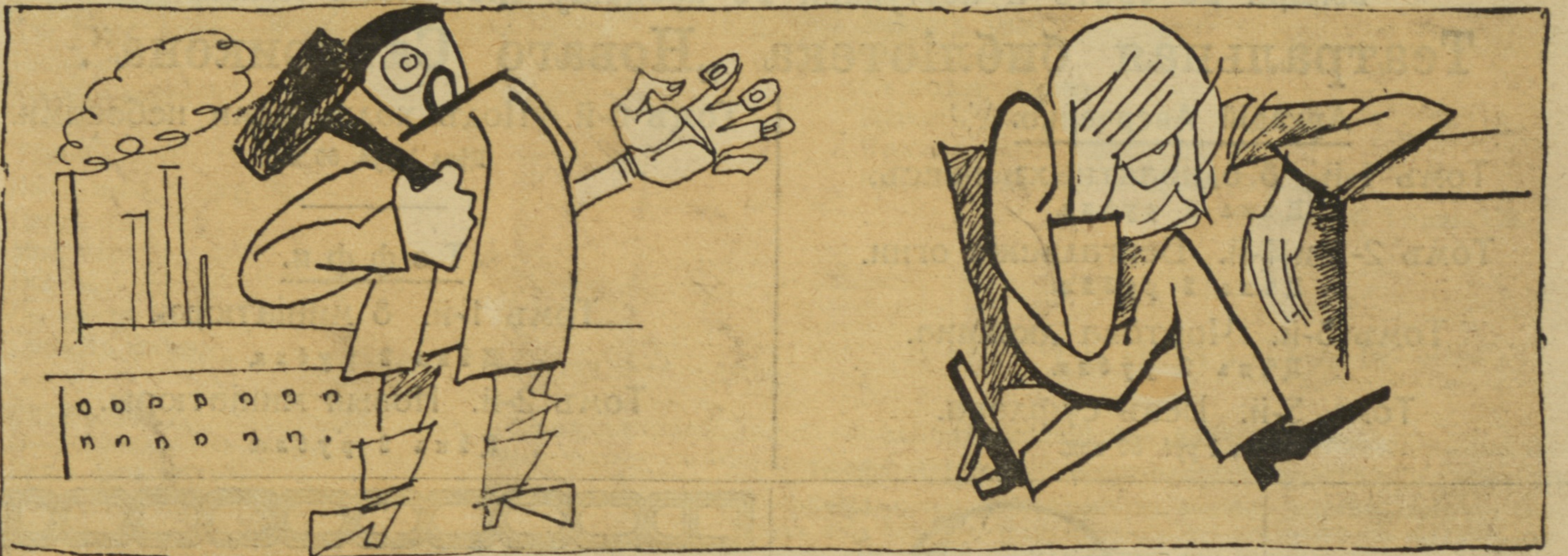
РУКИ И ГОЛОВА

(Притча для маленьких.)

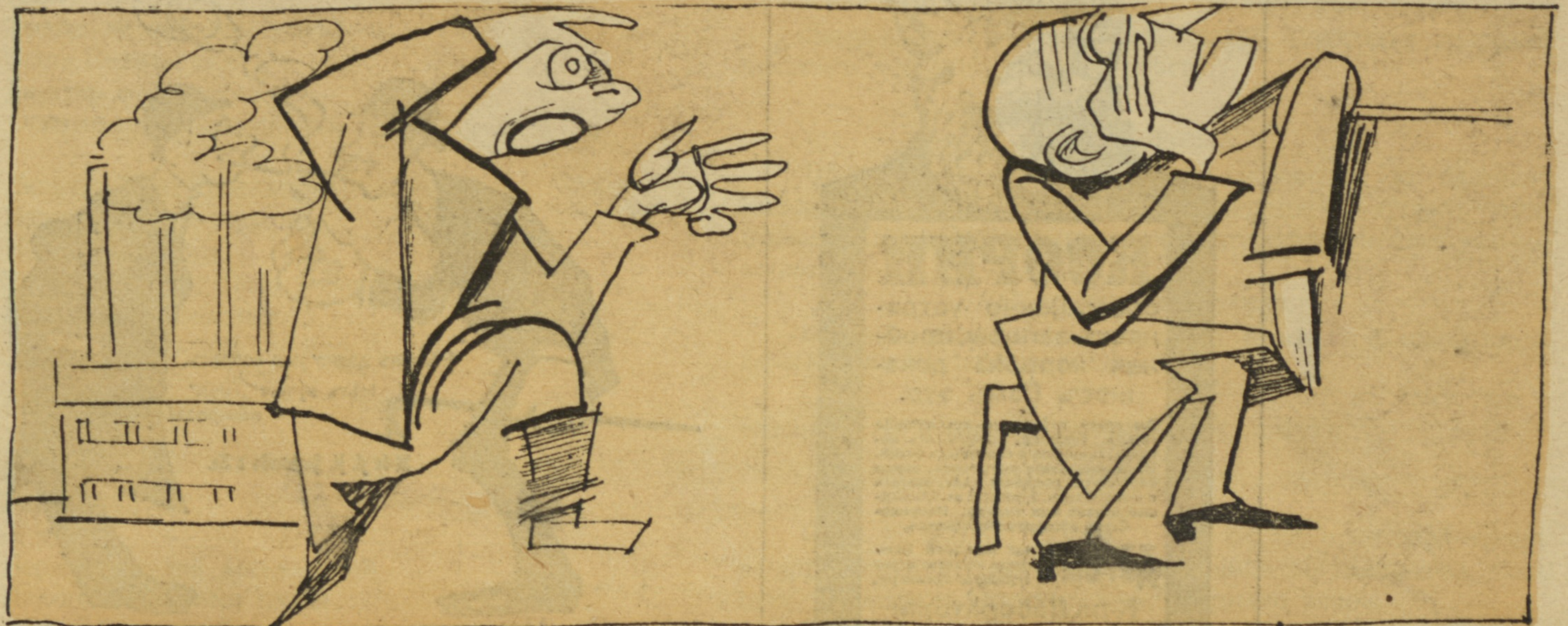
Рис. А. Радакова.

Пролетарій: — Ты, буржуй-ученый... Я иду на завод, а ты будешь здѣсь сидѣть и раздумывать? Бездѣльникъ...

— Ты, ученый... Я уже кончилъ работу, а ты все еще бездѣльничаешь?

— Эй ты! У меня уже лопается терпѣніе... Что ты сидишь безъ дѣла, буржуишка? Что ты дѣлаешь, напримѣръ?!

— Что я дѣлаю? Сидя въ кабинетѣ, я выдумалъ такую машину, которая совершенно замѣнитъ тебя въ работѣ... И тебѣ придется потратить на нее всего полчаса въ день!!